

Дмитрій Дриль.

ПСИХОФИЗИЧЕСКІЕ ТИПЫ

ВЪ ИХЪ СООТНОШЕНІИ СЪ ПРЕСТУПНОСТЮ И ЕЯ РАЗНОВИДНОСТЯМИ

(ЧАСТНАЯ ПСИХОЛОГІЯ ПРЕСТУПНОСТИ).

НЕРВНЫЕ, ИСТЕРИКИ, ЭПИЛЕПТИКИ И ОСКУДѢЛЫЕ РАЗНЫХЪ
СТЕПЕНЕЙ.

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій пер., № 5.

1890

Предисловіе.

Въ настоящей работѣ я имѣю въ виду представить опытъ изученія вліяній особенностей одной изъ органическихъ системъ, а, слѣдовательно, съ тѣмъ вмѣстѣ и вліяній особенностей одной изъ сторонъ такъ называемой инстинктивной природы человѣка на его характеръ, на его дѣятельность вообще, и на преступную его дѣятельность въ частности.

Изученіе особенностей инстинктивной природы, пока сравнительно еще мало подвинувшееся впередъ, представляетъ для правильнаго пониманія механизма душевной жизни, чрезвычайно большой интересъ и значеніе. До сихъ поръ главное вниманіе обращалось преимущественно на изученіе процессовъ интеллектуальной стороны человѣка. Не отрицая неизмѣримо важнаго значенія такого изученія, я полагаю однако, что ему должно предшествовать тщательное изученіе особенностей инстинктивной природы какъ въ видахъ правильнаго пониманія механизма психической жизни вообще, такъ и въ видахъ достиженія успѣшности воспитанія и перевоспитанія человѣка въ частности.

Особенности инстинктивной природы лежатъ въ основѣ характера и опредѣляютъ всѣ его отличительныя черты. Въ тотъ періодъ, когда у ребенка почти не наблюдается проблесковъ интеллектуальной жизни, особенности инстинктивной природы, напротивъ, уже довольно ясно намѣчаются въ немъ, и съ этой стороны каждый ребенокъ представляетъ свой опредѣленный, особый обликъ. Одинъ подвиженъ, ве-

сель и живъ, другой, напротивъ, медлителенъ и вялъ, одинъ ласковъ, даже какъ бы благожелателенъ, тогда какъ другой сравнительно сухъ и черствъ; одинъ золъ почти, другой мягокъ и добръ и пр.—и во всемъ разнообразіе и богатство оттѣнковъ.

Итакъ, уже въ этотъ начальный періодъ жизни у ребенка ясно намѣчаются нѣкоторые задатки основныхъ особенностей будущей нравственной личности, которая, такимъ образомъ, и по времени предшествуютъ особенностямъ личности интеллектуальной и образуютъ собою основу характера человѣка, его чувственное существо, столь различное у различныхъ людей.

Только уже въ послѣдствіи на этой первичной основѣ, на этомъ фонѣ мало по малу начинаютъ выступать и зародыши интеллектуальныхъ явленій, которая, возникая, на опредѣленной и ранѣе ихъ данной почвѣ, съ необходимостью несутъ на себѣ печать ея особенностей и въ значительной степени ею опредѣляются. Эту зависимость интеллектуальной природы отъ природы инстинктивной мы можемъ и дѣйствительно наблюдаемъ на каждомъ шагѣ. Сравните, напр., по содержанію и окраскѣ мышленіе двухъ людей, различныхъ характеровъ, и вы будете поражены его основными различіями и въ то же время его полнымъ соотвѣтствіемъ съ особенностями инстинктивной природы каждаго изъ нихъ.

Теперь становится понятна важность изученія этой основы психическаго существа человѣка вообще и для уясненія особенностей его преступности — въ частности, такъ какъ въ этой послѣдней сторона чувства, сторона обычнаго настроенія, однимъ словомъ, инстинктивная сторона играетъ рѣшающую роль. Къ сожалѣнію, весьма сложный механизмъ инстинктивной природы, какъ я уже замѣтилъ выше, сравнительно мало изученъ и намъ еще въ очень недостаточной степени извѣстны средства его желаннаго измѣненія.

Въ настоящей работѣ, какъ и въ предшествующихъ, я рѣшился воспользоваться, въ интересахъ предпринятаго изученія, вѣковымъ медицинскимъ опытомъ вообще и психіатрическимъ въ частности. Въ этомъ послѣднемъ собрана гро-

маднѣйшая масса наблюденій, хотя и произведенныхъ съ другими цѣлями. Въ нихъ, на ряду съ количественно различными измѣненіями въ различныхъ органахъ и ихъ органическихъ функціяхъ, мы встрѣчаемъ и устойчиво-сопутствующія имъ количественно различные измѣненія въ соотвѣтствующихъ психическихъ явленіяхъ и отъ такого сосуществованія съ осторожною провѣркой можемъ дѣлать въ значительной мѣрѣ обоснованныя заключенія къ особенностямъ нормальной связи между различными органическими и сопутствующими имъ психическими явленіями. Въ теченіе долгихъ лѣтъ занятій и тщательнаго изученія множества клиническихъ и тюремныхъ наблюденій, заимствованныхъ мною частію въ живой клинической и тюремной дѣйствительности, а большею частію въ психіатрической и уголовно-антропологической литературѣ, я всегда старательно отмѣчалъ всѣ мельчайшія черты этой связи, и результаты веденнаго изученія представляю теперь.

Въ выпускаемой работѣ я исключительно обращалъ вниманіе и отмѣнялъ вліяніе особенностей одной лишь стороны инстинктивной природы дѣйствовавшихъ личностей. Такой пріемъ былъ неизбѣжнымъ требованіемъ удобствъ изученія. Поэтому, полученные результаты по необходимости представляются пока неполными и односторонними. Въ послѣдующихъ своихъ работахъ я имѣю въ виду восполнить этотъ пробѣлъ и представить опыты изученія и вліяній особенностей другихъ сторонъ инстинктивной природы человѣка на окраску его психической личности вообще и его преступности въ частности.

Я далекъ отъ мысли считать представленныя мною истолкованія фактовъ вполне установленными и непогрѣшимыми. Я глубоко убѣжденъ лишь въ безусловной вѣрности того пути, которому слѣдую для достиженія намѣченной цѣли. Истолкованія фактовъ легко могутъ оказаться недостаточными или неправильными, но самый путь и основное направленіе работы несомнѣнно сохранятся. А этого, при настоящемъ состояніи уголовной антропологии, вполне достаточно для *raison d'être* всякой работы.

За вліяніе возможныхъ неправильностей въ истолкованіи я не опасаюсь также. Всѣ эти истолкованія всецѣло обосновываются на фактахъ, приведенныхъ въ книгѣ во множествѣ, а потому они всегда допускаютъ полную возможность проверки и необходимыхъ поправокъ и измѣненій. Они представляютъ собою только попытку, которая, какъ таковая, всегда предполагаетъ дальнѣйшія, болѣе правильныя и совершенныя.

Теперь, въ видахъ разъясненія, еще нѣсколько словъ объ антропологической школѣ уголовного права вообще. На эту школу, къ которой я причисляю себя, часто сыплются горячія нападки. Ее упрекаютъ между прочимъ и въ томъ, что она обращаетъ будто бы чрезмѣрное вниманіе и приписываетъ чрезмѣрное значеніе органическому элементу въ преступности человѣка, упуская изъ вида преимущественное значеніе общественныхъ факторовъ. Но такой упрекъ есть плодъ страннаго недоразумѣнія. Ни одинъ послѣдователь антропологической школы, насколько мнѣ извѣстно, не отрицалъ никогда громаднаго значенія общественныхъ условій въ сферѣ преступленія. Всѣ сторонники антропологической школы признавали и признаютъ, что подъ вліяніемъ этихъ условій главнымъ образомъ и слагаются сами органическія аномаліи, которыя, разъ возникнувъ, становятся въ свою очередь ближайшими и непосредственными опредѣлителями характера дѣятельности вообще и преступной дѣятельности въ частности. Для примѣра возьмемъ какое-либо безразсудное дѣйствіе, совершенное подъ вліяніемъ сильнаго, туманящаго гнѣва. Въ этомъ случаѣ для бытія дѣйствія было необходимо, чтобы сильныя внѣшнія воздѣйствія повліяли на тотъ или другой отдѣлъ первной системы, нарушили бы правильную дѣятельность организма, вызвали неправильныя перераспредѣленія крови въ немъ и послѣдовательно породили бы и другія уклоненія въ органическихъ функціяхъ, однимъ словомъ, создали бы сложное ненормальное временное органическое состояніе, которое, разъ возникнувъ, въ свою очередь и было непосредственной ближайшей причиной безразсуднаго дѣйствія. Если въ данномъ случаѣ этому дѣйствію, помимо необходимыхъ внѣшнихъ воз-

дѣйствій, нарушившихъ органическое равновѣсіе, природа предпосылаетъ состоянія временныхъ уклоненій отъ правильности органическихъ процессовъ, то и въ случаяхъ болѣе устойчивой и привычной анτισоціальной дѣятельности она предпосылаетъ ей и болѣе устойчивыя состоянія органическихъ уклоненій, образовавшихся подъ вліяніемъ предшествующихъ неблагопріятныхъ условій и воздѣйствій. Правда, на органическій элементъ, какъ наименѣе изслѣдованный до сихъ поръ въ области преступленія, антропологическая школа обратила преимущественное свое вниманіе, но это и составляетъ одну изъ наиболѣе крупныхъ ея заслугъ, тѣмъ болѣе, что она обратила на него вниманіе въ связи съ порождающими его условіями физической и общественной среды.

Конечно, въ отдѣльныхъ работахъ послѣдователей школы иногда могутъ и дѣйствительно встрѣчаются чрезмѣрные увлеченія, промахи, невѣрные обобщенія и проч., которыя старательно подчеркиваются и выставляются на видъ ея противниками, какъ болѣе или менѣе сильные аргументы противъ состоятельности самой школы. Но такое отношеніе, думается мнѣ, едва ли можетъ быть названо правильнымъ. Оно вызывается увлеченіемъ заинтересованной борьбы, а не строго-научной оцѣнкой. При выясненіи достоинствъ или недостатковъ той или другой школы, *какъ таковой*, преимущественное значеніе имѣютъ не столько отдѣльныя работы ея послѣдователей, сколько ея руководящія основныя положенія, которыя объединяютъ ея разрозненные части, придаютъ имъ единство и создаютъ изъ нихъ то, что мы называемъ школою, направленіемъ. Работы смѣняются, недостаточныя работы уступаютъ свое мѣсто болѣе совершеннымъ, а основныя положенія сохраняются, хотя, можетъ быть, и съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, и будутъ и впослѣдствіи направлять научное движеніе, если только какія-либо неожиданныя научныя открытія радикально не измѣнятъ воззрѣній и не укажутъ ошибочности основныхъ точекъ зрѣнія.

Поэтому и при оцѣнкѣ значенія и достоинствъ или недостатковъ новой антропологической или позитивной школы уголовного права, *какъ таковой*, было бы не цѣлесообразно

и несправедливо, не касаясь ея общаго, т. е. того, что и образуетъ изъ нея особую школу, отличную отъ всѣхъ другихъ школъ, обратиться только къ мелочному и придирчивому разбору отдѣльныхъ работъ ея отдѣльныхъ послѣдователей, преимущественно отмѣчать ихъ слабыя стороны, ихъ нѣкоторыя противорѣчія и промахи. Такой разборъ не даетъ вѣрнаго и сколько-нибудь полнаго понятія о значеніи школы въ общемъ поступательномъ движеніи науки. Напротивъ, онъ способенъ лишь вводить въ заблужденіе и препятствовать правильной ея оцѣнкѣ.

Въ виду этого, желая дать возможность читателю ближе ознакомиться съ основными воззрѣніями, съ основными приемами и тенденціями новой антропологической школы уголовного права, я постараюсь коротко формулировать ихъ здѣсь въ немногихъ тезисахъ. Послѣдніе всего лучше помогутъ обнять новую школу въ ея цѣломъ, въ ея внутреннемъ единствѣ, которое и образуетъ изъ множества раздѣльныхъ частей, отдѣльныхъ работъ единое цѣлое, одно общее научное направленіе, одну школу. Тогда уже будетъ значительно легче, не смущаясь отдѣльными промахами и ошибками и недостатками отдѣльныхъ работъ, правильно оцѣнить великое научное значеніе школы, которая впервые заложила прочныя основы уголовного права, какъ дѣйствительной науки. „Можетъ быть отъ моего труда (и, прибавимъ, труда громаднаго) вскорѣ не останется и камня на камнѣ; но идея, его породившая, будучи передаваема отъ одного къ другому... эта идея никогда не погибнетъ“. Такими словами профессоръ Lombroso, этотъ великій научный труженикъ и неутомимый научный борецъ, прекрасно охарактеризовалъ научное значеніе новой школы, основныя положенія которой можно свести къ слѣдующимъ тезисамъ.

1) Антропологическая школа уголовного права отказалась отъ принципа возмездія въ его различныхъ модификаціяхъ, какъ отъ основанія и первепствующей цѣли наказанія. Такимъ основаніемъ и цѣлью она признала исключительно потребность огражденія общества отъ зла преступленія, путемъ ли исправленія преступника, или путемъ его изыятія изъ об-

щества. Это воззрѣніе съ необходимостью измѣняетъ самый характеръ наказанія и придаетъ ему болѣе разумный смыслъ: о причиненіи страданій для страданія и для удовлетворенія чувства отмщенія при этомъ не можетъ быть и рѣчи.

2) Антропологическая школа изучаетъ не только преступленіе; нѣтъ, она прежде всего тщательно изучаетъ самого преступника въ его многочисленныхъ разновидностяхъ, въ производящихъ его причинахъ, а затѣмъ она уже изучаетъ и его дѣятельность, его преступленія, а также и наиболѣе раціональныя средства воздѣйствія на него въ видахъ огражденія общества отъ зла его дѣятельности. При этомъ она изучаетъ не какого-то отвлеченнаго, всегда себѣ равнаго преступника, а многоразличныя разновидности дѣйствительныхъ преступниковъ, какими ихъ знаетъ жизнь, какими ихъ знаютъ судъ и тюрьма. Сверхъ того, она изучаетъ этихъ дѣйствительныхъ преступниковъ не *умозрительно*, а при помощи всѣхъ возможныхъ точныхъ научныхъ методовъ, какими изучаются и всѣ другія естественныя явленія.

3) Въ преступленіи антропологическая школа видитъ результатъ взаимодействія особенностей сложившейся психофизической организаціи или натуры преступника, лежащей, какъ и у всѣхъ прочихъ людей, въ основѣ его характера, и особенностей внѣшнихъ воздѣйствій, какими въ данномъ случаѣ являются воздѣйствія окружающей его естественной и общественной среды.

4) Исходя изъ точныхъ данныхъ изученія, антропологическая школа рассматриваетъ преступника, какъ въ большей или меньшей мѣрѣ несчастную, порочную, неуравновѣшенную, оскудѣлую, недостаточную и неприспособленную организацію, которая, вслѣдствіе этой недостаточности и неприспособленности, и не можетъ, при данныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, бороться за свое существованіе въ установленныхъ легальныхъ формахъ *).

5) Причины преступленій антропологическая школа дѣлитъ:

*) Здѣсь нужно замѣтить, что неприспособленность эта большею частью не абсолютная, а относительная и находящаяся въ зависимости отъ различія жизненныхъ положеній.

1) на ближайшія или непосредственныя, кроющіяся въ порочно-стяхъ психофизической организаціи дѣятеля преступленія; 2) на болѣе отдаленныя, кроющіяся въ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ вырабатываются особенности организаціи, какъ болѣе или менѣе устойчивые факторы преступленій, и 3) на причины предрасполагающія, подъ вліяніемъ которыхъ уже сложившіяся дурноуравновѣшенныя организаціи наталкиваются на преступленія.

6) При такой широкой и истинно научной постановкѣ вопроса о человѣческой преступности, антропологическая школа стремится изучать дѣйствительныхъ преступниковъ и совершенныя ими преступленія, какъ естественно общественныя явленія во всей совокупности ихъ разнообразныхъ факторовъ и въ ихъ генезисѣ, т. е. въ ихъ отдаленныхъ, даже наследственно передаваемыхъ зародышахъ, и въ ихъ дальнѣйшемъ послѣдовательномъ ростѣ и развитіи. Этимъ она сливаетъ вопросъ о явленіяхъ человѣческой преступности съ общимъ соціальнымъ вопросомъ и рассматриваетъ первыя, какъ необходимый результатъ взаимодѣйствія соціальныхъ и индивидуальных факторовъ, а потому она и настаиваетъ на необходимости широкихъ мѣръ предупрежденія для возможности исполнѣ успѣшной борьбы съ преступленіемъ.

7) Исходя изъ всѣхъ перечисленныхъ положеній, антропологическая школа съ логической послѣдовательностью отрицаетъ разумность напередъ количественно и качественно опредѣленныхъ мѣръ репрессіи. Она утверждаетъ, напротивъ, что послѣднія должны опредѣляться въ зависимости отъ индивидуальных особенностей каждаго случая и въ зависимости отъ тщательнаго ихъ изученія. Мѣры репрессіи, по отношенію къ каждому данному осужденному преступнику, должны длиться или прекращаться въ полной зависимости отъ продолжающагося существованія или отъ прекращенія въ нихъ надобности.

Изложивъ въ краткихъ тезисахъ основныя положенія антропологической школы уголовнаго права, я предоставляю теперь судить самому читателю, на сколько въ дѣйствительности разрушительны и опасны тенденціи новой школы, какъ увѣряютъ нѣкоторые изъ нашихъ противниковъ. Они также

говорятъ намъ, что у насъ слишкомъ много гипотетичнаго и незрѣлаго, и что потому о примѣненіи къ практикѣ выводовъ новой школы будто бы не можетъ быть и рѣчи. Но читатель самъ можетъ видѣть теперь, какъ ограничены и скромны *практическія* требованія новой школы и какъ мало ихъ осуществленіе можетъ грозить чему бы то ни было. Новая школа требуетъ лишь тщательнаго изученія, при помощи точныхъ методовъ, дѣйствительныхъ преступниковъ во всемъ многообразномъ ихъ различіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тщательнаго изученія тѣхъ источниковъ, въ которыхъ зарождаются они. Она требуетъ также соотвѣтствующей подготовки отъ криминалистовъ и указываетъ на необходимость широкихъ мѣръ предупрежденія или, иначе говоря, упорядоченія условій общественнаго быта и, наконецъ, настаиваетъ на устраненіи опредѣленій напередъ въ сферѣ наказанія и на необходимости индивидуализированія этихъ послѣднихъ, въ строгой зависимости отъ психофизическихъ особенностей отдѣльныхъ преступниковъ. Смѣемъ думать, что во всѣхъ этихъ требованіяхъ нѣтъ рѣшительно ничего разрушительнаго и общественно опаснаго. А поэтому мы и отвѣтимъ нашимъ противникамъ, что мы безъ всякихъ личныхъ самолюбіи охотно готовы допустить, что весьма многое можетъ быть еще окажется у насъ невѣрнымъ и ошибочнымъ, но вѣрны наши основныя положенія, а они отрицаютъ старое. Будемъ же искать, изучать и трудиться, но будемъ дѣлать все это въ новомъ направленіи, которое, какъ вѣрный путь, одно только и можетъ обезпечить успѣхъ и желанное достиженіе цѣли.

Дмитрій Дриль.

Москва, мартъ, 1890 г.

ПСИХОФИЗИЧЕСКІЕ ТИПЫ ВЪ ИХЪ СООТНОШЕНІИ СЪ ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ЕЯ РАЗНОВИДНОСТЯМИ.

(Частная психологія преступности).

Этюдъ первый.

Нервные, истерики, эпилептики и оскудѣлые разныхъ степеней.

Наше изученіе психофизическихъ типовъ въ ихъ соотношеніи съ преступностью мы начнемъ съ изученія типовъ, развивающихся на почвѣ органическаго обѣднѣнія, къ числу которыхъ относятся нервные типы и типы дальнѣйшаго органическаго оскудѣнія въ его различныхъ степеняхъ.

Чтобы избѣжать всѣхъ возможныхъ недоразумѣній, считаю не лишнимъ повторить то, что уже сказалъ однажды. При изученіи различныхъ типовъ основа психической личности, которая представляетъ собою крайне сложное цѣлое, намъ необходимо придется анализировать и расчленять это цѣлое и его органическій субстратъ, выдѣлять ихъ отдѣльныя составныя части, изолированно изучать ихъ и слѣдить при этомъ лишь за вліяніемъ выдѣленныхъ, временно игнорируя всѣ прочія. Таковъ необходимый пріемъ изученія. Поэтому и наши типы не суть вполне естественные типы. Въ основѣ каждого изъ нихъ лежитъ усиленное развитіе или, напротивъ, значительное ослабленіе той или другой органической системы и ея функционированія. Между тѣмъ въ дѣйствительности односистемныхъ человѣческихъ организмовъ не существуетъ. Они, напротивъ, слагаются изъ различныхъ системъ органовъ, изъ которыхъ каждая у различныхъ

людей бываетъ развита въ различной степени. Соответственно съ этимъ развитіемъ и съ развитіемъ напряженности исходящихъ отъ нея чувственныхъ тонацій ¹⁾, каждая органическая система оказываетъ большую или меньшую долю вліянія въ общемъ сложномъ вліяніи всѣхъ органическихъ системъ и исходящихъ отъ нихъ чувственныхъ тонацій на психическую жизнь челоѣка, на ея особенности и оттѣнки. Понятно, поэтому, какое разнообразіе комбинацій, при множественности органическихъ системъ, могутъ и дѣйствительно представляютъ основы психической личности различныхъ людей, въ зависимости отъ различія въ степеняхъ развитія ихъ различныхъ системъ органовъ. «Организація — вотъ дѣйствительно первый импульсъ, которому повинуются челоѣкъ», справедливо замѣчаетъ Brierre de Boismont. «Онъ живъ, впечатлителенъ, раздражителенъ или флегматиченъ, смотря по тому, обладаетъ ли онъ сангвиническимъ, нервнымъ, желчнымъ или лимфатическимъ темпераментомъ. Онъ измѣняется въ зависимости отъ смѣшенія этихъ элементовъ или, точнѣе говоря, въ зависимости отъ преобладанія той или другой системы органовъ» ²⁾.

Прежде, нежели мы станемъ говорить о психическихъ особенностяхъ нервныхъ и оскудѣлыхъ личностей, мы предварительно бросимъ бѣглый взглядъ на общія органическія основы ихъ образованія и постепеннаго развитія. Мы начнемъ наше изложеніе съ очерка вліянія различій въ степеняхъ развитія, силы и устойчивости кровеносной системы ^{3*)}, на время какъ бы забывая при этомъ о вліяніи всѣхъ прочихъ органическихъ системъ.

Для возможно большей полноты развитія и жизни и для интенсивнаго функціонированія каждаго органа, представляющаго собою часть сложнаго цѣлаго — организма челоѣка, безусловно необходимъ достаточно обильный, достаточно равно-длящійся притокъ и сравнительно быстрый протокъ питательной по ея составу кровяной жидкости, которая повсюду приноситъ съ собой ярко выраженную жизнь и необходимыя условія для ея дальнѣйшаго развитія ³⁾. И чѣмъ болѣе

1) См. V главу моей работы „Психологія преступности“: Чувствованія; измѣненія ихъ различныхъ тонацій и вліяніе этихъ измѣненій на явленія жизни души.

2) „Du suicide“, 10.

2*) Считаю не лишнимъ замѣтить, что, говоря о той или другой органической системѣ, я всегда разумѣю при этомъ и ея иннервацію съ соответствующими ей нервными центрами.

3) Описание общихъ условій и вліяній кровообращенія вообще и мозгового въ частности — см. въ VI гл. моей работы „Психологія преступности“: Кровь

функціонуєть органъ или органы, тѣмъ живѣе и полнѣе въ нихъ кровообращеніе и тѣмъ обильнѣе притокъ къ нимъ живительной жидкости — крови, служащей для ихъ обновленія. Поэтому у людей съ повсемѣстно хорошо развитой (развитая широкая грудь, большой объемъ сердца и легкихъ, крупный калибръ кровеносныхъ сосудовъ, богатство ихъ мельчайшихъ развѣтвленій, сила мускулатуры всѣхъ этихъ органовъ), равномерно (безъ частичныхъ крамповъ и длительныхъ расслабленій) энергично и быстро функціонирующей кровеносной системой, разносящей во всѣ сокровеннѣйшіе уголки тѣла богатую по ея составу кровь, всѣ процессы, какъ физическіе, такъ и психическіе, отличаются полнотой, быстротой и энергіей ^{3*}). У такихъ лицъ система волосныхъ сосудовъ, или капилляровъ, обыкновенно хорошо развита, такъ что по нимъ кровь легко и въ избыткѣ проникаетъ во всѣ ткани тѣла, и периферическое кровообращеніе совершается весьма дѣятельно. Последнее, распредѣляя болѣе или менѣе равномерно кровяную жидкость по всѣмъ поверхностямъ тѣла, препятствуетъ скопленію и образованію застоевъ крови въ различныхъ внутренностяхъ, что столь сильно вліяетъ на оттѣнки самочувствія. Равномерно и активно совершающееся кровообращеніе оказываетъ также могущественное вліяніе на активность дыханія, на количество развивающейся животной теплоты, на энергію питанія ⁴⁾, возстановленія, разрушенія и всѣхъ выдѣленій.

и ея кругооборотъ въ организмѣ; механизмъ этого кругооборота, его особенности и ихъ вліяніе на явленія жизни души.

^{3*)} Здѣсь надо замѣтить, что я говорю о кровеносной системѣ, о ея развитіи, силѣ и ослабленіи вообще. Между тѣмъ она состоитъ изъ множества раздѣльныхъ частей, каждая изъ которыхъ можетъ быть развита въ различной степени. Поэтому дѣятельность кровеносной системы, какъ цѣлаго, образуется изъ множества слагающихъ частныхъ дѣятельностей и можетъ представлять многообразныя комбинаціи, которыя въ свою очередь различно вліяютъ на явленія жизни души. Сосуды, напр., могутъ быть широки и притокъ крови къ органамъ обилень, но ея протокъ медленъ; напротивъ, сосуды могутъ быть узки, но протокъ крови быстръ и т. д. Такія же многообразныя различія и комбинаціи могутъ быть и въ мѣстныхъ кровообращеніяхъ, орошающихъ различные органы. Понятно, что разсматривать всѣ эти комбинаціи и ихъ вліяніе рѣшительно невозможно; достаточно намѣтить основныя особенности.

⁴⁾ Въ начальной основѣ всѣхъ органическихъ процессовъ, конечно, лежитъ питаніе. „Питаніе—это жизнь съ своимъ двойственнымъ движеніемъ ассимиляціи и диссимиляціи, творчества и разрушенія. См. Bouchard: „Maladies par ralentissement de la nutrition“, 12, 15 и 16. Но вторично въ процессъ взаимодѣйствія энергія кровообращенія оказываетъ вліяніе и на процессъ питанія въ его различныхъ фазахъ.

Всѣ эти особенности системы кровообращенія и образуютъ собою основу сангвиническаго темперамента, который, по выраженію извѣстнаго гигиениста проф. Bouchardat, представляетъ собою самый «гигиеническій темпераментъ» и «лучшую форму здоровья». Темпераментъ этотъ «наиболѣе благопріятенъ для полного и правильнаго развитія организма» и для «наилучшаго выполненія всѣхъ функций и сохраненія ихъ неприкосновенности».

Движенія у сангвиниковъ совершаются быстро и съ силою, потому что ихъ мощная и обильная мускулатура, получая обильное питаніе, реагируетъ съ живостью и безъ промедленій⁵⁾. Ихъ чувствованія, идущія отъ различныхъ хорошо и достаточно питаемыхъ органовъ, отличаются яркостью и полнотою. Чувства или душевныя волненія также характеризуются напряженностью и преимущественно пріятнымъ оттѣнкомъ, а настроеніе—ясностью и веселостью. Ихъ мысли, вслѣдствіе энергичнаго функціонированія высшихъ мозговыхъ центровъ, въ свою очередь вызываемаго энергіею кровообращенія, слѣдуютъ свободно и быстро другъ за другомъ въ многообразныхъ ассоціаціяхъ, а ихъ воображеніе, когда оно достаточно развито, отличается разнообразіемъ красокъ.

Органическія особенности этого типа ярко отражаются въ психической жизни, въ особенностяхъ сознанія и окраски самочувствія индивидуума. Подобно тому, какъ у ребенка и у молодаго животнаго вообще или у лица, очень истощеннаго медленно развивавшимся изпуряющимъ органическимъ процессомъ, недостаточность и слабость физическимъ силъ отражается въ зеркалѣ самочувствія большей или меньшей робостью, стремленіями уклоняться отъ борьбы и усилій, которыя съ развитіемъ и укрѣпленіемъ организма сами собою постепенно уступаютъ свое мѣсто и смѣняются большей или меньшей смѣлостью, требовательностью, предпріимчивостью и пр., подобно тому, какъ недостатокъ пищевыхъ веществъ въ организмѣ отражается въ сознаніи болѣе или менѣе рѣзко выраженнымъ чувствомъ голода и жажды — подобно этому и въ случаяхъ сангвиническаго темперамента богатство запасовъ въ обильно и быстро притекающей и протекающей крови и хорошо питаемыхъ ею и потому богато-одаренныхъ тканяхъ^{6*)} органическихъ силъ, всегда готовыхъ къ освобожденію, отражается въ сознаніи сангвиниковъ—этихъ поистинѣ любимыхъ и хорошо одаренныхъ дѣтей природы—большей или меньшей

⁵⁾ François-Franck: «Leçons sur les fonctions motrices du cerveau», 38 п сл.

^{6*)} Bouchard: «Malad. par ralentissem. de la nutrit.», 69, 70, 71, 73.

самоувѣренностью, рѣшительностью, неволью подкупающей веселостью и ясной отвагой ⁶⁾. Повышеніемъ мозгового кровообращенія обьясняется, какъ замѣчаетъ д-ръ Luys, и тотъ фактъ, что паралитикъ чувствуетъ себя чрезмѣрно сильнымъ, могучимъ и властнымъ. Его бредъ въ это время—бредъ величія, бредъ удовлетворенности ⁷⁾. Подобно этому и сангвиникъ, при нормальныхъ условіяхъ органической жизни, инстинктивно сознаетъ или, правильнѣе, чувствуетъ, что въ критическія минуты ему съ избыткомъ хватитъ его запасныхъ силъ и что онъ не спасуетъ въ борьбѣ отъ недостатка энергіи. Это, въ свою очередь, *склонно порождаютъ*, повидимому, другую психическую особенность, являющуюся *до известной степени* какъ бы слѣдствіемъ чувства силы и обилія запасовъ ея,—сравнительно большую открытость характера и меньшую склонность къ хитрости. То же чувство силы и запасовъ ея и проистекающее отъ того чувство обезпеченности *будущаго* порождаетъ, повидимому, *бодрость и склонность къ оптимизму* ⁸⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сравнительно большее

⁶⁾ Letourneau: «Physiologie des passions», 7, 11, 17, 18, 21, 24, 25, 98 и 99.

⁷⁾ Traité clin. et prat. des malad. ment. 123. Вѣроятно, сходнымъ органическимъ условіямъ обязана, по крайней мѣрѣ, при началѣ ея происхожденія, непоколебимая увѣренность нѣкоторыхъ душевно-больныхъ въ своемъ величіи, своей силѣ и своемъ высокомъ положеніи. Для примѣра укажу на Lazzaretti. Онъ чувствовалъ себя великимъ монархомъ, новымъ Христомъ, княземъ побѣдителемъ и неуязвимымъ. Онъ образовалъ священную лигу и своей вдохновенной проповѣдью о царствѣ Божіемъ увлекъ толпу. Lombroso: «Genio e follia», 193 и сл. Противоположныя психическія явленія наблюдаются наряду съ процессомъ органическаго истощенія. По мѣрѣ того, какъ этотъ процессъ подвигается впередъ, постепенно все болѣе развивается неопредѣленная боязнь, неуверенность и какое-то странное и темное предчувствіе будто грозящей бѣды и несчастія. Это предчувствіе, повидимому, представляетъ собою инстинктивное ощущеніе собственнаго безсилія даннаго времени и проистекающихъ изъ того опасностей. Не безъинтересно также отмѣтить, что, при delirium tremens, бредъ у больного пьяницы безпокойный, подозрительный и отгнѣняющійся страхомъ и ужасомъ. Наряду съ этимъ слабый и дрожащій пульсъ больного указываетъ на ослабленіе энергіи кровообращенія. Напротивъ, при другой болѣзненной формѣ, порождаемой алкоголемъ, *mania a potu*, пульсъ твердъ и кровянокъ, а наряду съ этимъ и самъ больной смѣлъ и агрессивенъ: онъ никого и ничего не боится и чувствуетъ себя сильнымъ и мощнымъ, Kerr: Пьянство, 66.

⁸⁾ Не помню кто-то замѣтилъ, что особенности психической жизни по возрастамъ находятся въ соотношеніи съ особенностями состояній кровеносной системы по періодамъ жизни. И дѣйствительно, какъ замѣчаются различія въ склонности къ оптимизму по различіямъ въ темпераментахъ, такъ точно замѣчаются они и у одной и той же личности по различнымъ періодамъ ея жизни.